

Уршуля Церняк

«Вижу – меркнет Божья вера, тьма полночная растет...»: Д.С. Мережковский и старообрядцы

Конец XIX и начало XX в. – это эпоха противоречий и бурных перемен. Отчетливо слышатся в ней голоса позитивистов, сыгравших немаловажную роль в возникновении революционных настроений в России. Одновременно это и период напряженных духовных исканий российской интеллигенции, время расцвета русской религиозной философии, богоискательства, диспутов о свободе творчества, совести, поисков «нового религиозного сознания»¹, в основу которого легло глубокое недовольство секуляризованной культурой, поверхностным подходом к вопросам религии и духовным ценностям, а также жажда истинной личной веры.

Факторы, влиявшие на характер эпохи, во многом определили и взгляды Дмитрия Мережковского, который начинает поиски собственного религиозного пути в надежде найти ответы на мучившие его уже в 80-е гг. XIX в. экзистенциальные вопросы. Вот его собственное признание в «Автобиографической заметке»: «Я ездил в Чудово к Глебу Ивановичу (Успенскому – У. Ц.). Я и проговорил с ним всю ночь напролет о том, что тогда занимало меня больше всего, – о религиозном смысле жизни. Он доказывал мне, что следует искать его в мирозерцании народном, во „власти земли“. Дал мне адреса знатоков народной жизни, сельских учителей и статистиков, советуя побывать у них. В том же году², летом, я ездил по Волге, по Каме, в Уфимскую и Оренбургскую губернии, ходил пешком по деревням, беседовал с крестьянами, собирал и записывал наблюдения»³

Хотя Мережковский ни словом не обмолвился о контактах со старообрядцами, известно, что перечисленные им местности и районы, где он вел свои диспуты (деревни на Волге и Каме, Оренбургская губерния), заселяли в то время старообрядцы, в основном беспоповского согласия. Естественным образом в поле зрения этого мыслителя попадает старообрядчество, называемое в то время чаще всего «расколом» и «схизмой». Первое сочинение писателя, связанное с «раскольничьей» тематикой, датируется 1887 г. 22-летний Мережковский обращается к «Житию вождя» главного идеолога старообрядческого движения – Аввакума, сделав его героем своей обширной поэмы «Протопоп Аввакум».

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», до середины XIX в. известно лишь по старообрядческим рукописям, было опубликовано и введено в научный оборот в 1861 г. Николаем Тихонравовым⁴. С того момента в России нарастает интерес к истории «раскола», взглядам его вождей и широко понимаемой старообрядческой письменности, что находит отражение в публикациях и комментировании старообрядческих сочинений такими авторами, как Григорий Есипов, Алексей Бровкович (архиепископ Никанор), Елпифидор Барсов, Николай Субботин⁵, др.

¹ См.: Франк, Семен. О так называемом «новом религиозном сознании» // Д.С. Мережковский: pro et contra. Личность и творчество Д.С. Мережковского в оценке современников. Антология. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт, 2001, с. 307-312; Бердяев, Николай. Новое религиозное сознание и общественность / Сост. и коммент. Вадима Сапова. Москва: Канон+, 1999.

² Речь идет об одной из студенческих поездок Мережковского по России в 1884–1887 гг., по-видимому о первой, в 1884 г. См.: Холиков, Алексей. Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. Санкт-Петербург: Алетей, 2010, с. 24; Зобнин, Юрий. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. Москва: Молодая гвардия, 2008, с. 48.

³ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка // Он же. Полное собрание сочинений в 24 тт. Москва: Сытин, 1914. Т. XXIV, с. 107-116; с. 112-113.

⁴ Автобиография протопопа Аввакума // Летописи русской литературы и древности, изд. Николаем Тихонравовым. Москва, 1861. Т. III, отд. II, с. 117-173.

⁵ Ср. Есипов, Григорий. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. Т. I-II. Санкт-Петербург: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1861–1863; [Бровкович], Алексей (архиепископ Никанор). Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Санкт-Петербург: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1861; Барсов, Елпифидор. Братья Денисовы, Андрей и Семен. Эпизод из истории русского раскола // Православное обозрение, 1865, № 5, с. 20-48; № 6, с. 221-242; № 8, с. 402-423; № 9, с. 55-91; № 10, с. 223-247; № 11, с. 412-438; № 12, с. 514-528; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Николая Субботина. Т. I-IX, Москва 1874-1890.

Лирическим субъектом в поэме Мережковского, как и в самом «Житии», является Аввакум. В поэме он жалуется на то, что в России «меркнет Божья вера» и растет «полночная тьма»⁶ наводимая на русских людей новоизобретениями в церковных обрядах. Протопоп рассказывает о себе – человеке несчастной судьбы, сосланном и преследуемом за сопротивление неправым реформам, которые разрушают истинную веру и правду. Сам Аввакум за правую веру готов был отдать жизнь:

Грозно крикнул воевода: «Покорись мне, протопоп!
Брось ты дьявольскую веру, а не то – вгону во гроб!»

«Человек, побойся Бога, Вседержителя-Творца!
Я страдал уже не мало – пострадаю до конца!»

«Эй, ребята, начинайте!» – закричал он гайдукам...
Повалили и связали по рукам и по ногам.

Свистнул кнут... – Окровавленный, полумертвый я твержу:
«Помоги, Господь!» — а Пашков: «Отрекайся – пощажу».

Нет, Иисусе, Сыне Божий, лучше – думаю – не жить,
Чем злодея перед смертью о пощаде мне просить⁷.

Сочинение Мережковского, на первый взгляд, кажется смелым и резким в лексическом наполнении. Его Аввакум произносит обличительные тирады в адрес «никониан», обвиняя их в том, что они «глумятся над Христом», пытаются укрепить авторитет Церкви «пыткой, плахой и кнутом»⁸ позоря таким образом «бедную страну» – «светлую Россию», которую «отдал дьяволу Господь»⁹. Однако, если сравнить повествовательный дискурс Мережковского, с помощью которого стилизуется речь героя, со стилистикой самого страстотерпца, характерной для его автобиографии, то хорошо видно, что поэме далеко до резкого, обличительного, а местами даже грубого тона мятежного протопопа, без стеснения осыпающего отборной бранью своих религиозных противников: «блядины дети», «собаки», «поганцы», «толстобрюхие» «воры», «сластолюбцы», «блудодей», «пьяницы», «дураки», «душегубцы» и проч.

Несмотря на умеренность Мережковского в использовании критических высказываний в адрес господствующей Церкви, «Протопоп Аввакум» в сборнике «Стихотворения (1883–1887)» был «опубликован не полностью: цензура не разрешила печатать те места поэмы, которые содержали резкие, по мнению цензора, отзывы Аввакума о боге и вере, духовенстве, судившем протопопа, и жестокостях никониан»¹⁰, предъявлявших протопопу обвинения в отступничестве. Для нового издания поэмы¹¹ Мережковский «переработал и значительно сократил 5-ю главу, убрав из нее строки, в которых Аввакум вспоминает о своей жажде любви и счастья в молодые годы, как не соответствовавшие представлению Мережковского об Аввакуме»¹² – идеальном борце за веру.

Уместно будет упомянуть, что в русской поэзии имеется еще несколько стихотворных переложений автобиографии Аввакума. Среди них особым вниманием исследователей

⁶ Мережковский, Дмитрий. Протопоп Аввакум // Он же. Стихотворения (1883–1887). Санкт-Петербург: Типография Тренке и Фюсно, 1888, с. 157-176. Эл. версия: <http://merezhkovsky.ru/lib/poetry/protopop-avvakum.html>. 28.05.2016.

⁷ Там же.

⁸ В этом фрагменте Мережковский опирается на текст «Жития...», где Аввакум упрекает никониан: «...огнем, да кнутом, да вицелицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить». См.: Аввакум, протопоп. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Подгот. текста и примеч. Андрея Робинсона // Изборник. Вступ. статья Дмитрия Лихачева. Москва: Художественная литература, 1969, с. 626-674; с. 664.

⁹ Мережковский, Дмитрий. Протопоп Аввакум, там же.

¹⁰ Мазунин, Александр. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIV. Отв. ред. Владимир Малышев. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1958, с. 408-412; с. 408.

¹¹ Мережковский, Дмитрий. Протопоп Аввакум // Он же. Собрание стихов. Москва: Скорпион, 1904, с. 136-148.

¹² Мазунин, Александр. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума, с. 408.

пользовались сочинения Арсения Несмелова и Максимилиана Волошина¹³. Поэма Мережковского является самой ранней среди них. Литературная критика оценила ее невысоко. Николай Михайловский, например, увидел в сочинении Мережковского «чрезвычайно слабое» произведение, в котором поэт ушел «совсем в сторону от Аввакума», не сумев представить самого протопопа как твердого, смелого, бескомпромиссного борца за правду¹⁴. Не понравился критикам и финал поэмы, в котором неистовый Аввакум смиренно призывает своих врагов к прощению и примирению¹⁵. Странно, но несовместимость мирно настроенного героя Мережковского с его реальным прототипом не встретила критики со стороны самих старообрядцев. Более того, поэма понравилась им настолько, что отрывки из нее вошли в народные песенники и сборники старообрядческих стихов¹⁶; многие годы перемещались они по свету вместе со староверами, скитавшимися в поисках справедливого Божьего царства. Еще сегодня мы можем услышать в Америке старообрядцев штата Орегон, которые поют стихи из «Протопопа Аввакума» не только на русском языке, но также и в переводе на английский¹⁷.

В начале XX в. Мережковский снова обращается к старообрядческой проблематике. Его интерес к старообрядчеству совпадает с периодом существования Петербургских религиозно-философских собраний, во время которых велись горячие диспуты о свободе совести и статусе неправославных вероисповеданий в России. На собраниях подчеркивалось, что «сила России всегда заключалась в ее православии», «возрождение России может совершиться – на религиозной почве»¹⁸. Мережковский, ставя перед собой вопросы о том, что такое христианство, что такое язычество и отступничество, размышляя о Христе и Антихристе, решает соприкоснуться с русским сектантством и попытаться понять тех, для кого в России «померкла Божья вера». Поэт не допускает мысли, что мог бы заниматься важными религиозными вопросами, опираясь на чужие исследования и теории. В своем «Дневнике 1910–1914 гг.» он записал: «Почти все донныне бывшие исследователи русского раскола, сектантства к религиозной жизни народа подходили со стороны общественной, политической, экономической, т.е. в последнем счете извне. Подходили, но не вошли. *Чего стоит чужая религиозная жизнь, не знает человек, сам ею никогда не живший*»¹⁹. Вот почему от народных верований остаются лишь „суеверия”»²⁰. Мережковский не хочет решать важные для него религиозные проблемы «извне», он чувствует, что только реальное общение, близкий контакт, живой разговор могут помочь ему справиться с духовными сомнениями. Таким образом, он вновь обращается к «миросозерцанию народному», на которое некогда обратил его внимание Глеб Успенский. Дмитрий Сергеевич уверен, что через старообрядцев ему легче будет понять Россию и найти ответы на те вопросы, которые официальное православие решать не собиралось. Он рассчитывает на то, что ему удастся заново переосмыслить свою веру. В «Автобиографической заметке» он написал: «Могу сказать по совести: все, что я говорю и думаю по вопросам религиозным, идет не от книг, не от чужих мыслей, а от моей собственной жизни, – все это я пережил <...> Готовясь к „Петру” (речь идет о романе «Петр и Алексей» – У. Ц.), ездил для изучения быта сектантов и староверов за Волгу, на Керженец, в г. Семенов и на озеро Светлояр, где находится, по преданию, невидимый Китеж-град»²¹. На тему этого путешествия сохранился очень интересный рассказ Зинаиды Гиппиус, озаглавленный «Светлое озеро». Гиппиус вспоминала, что в 1902 г. во время подготовки к дальнему 300-верстовому путешествию на тарантасе из Петербурга на озеро Светлояр они получили записку от знакомого протоиерея, ежегодно участвующего с миссионерской целью в ночь 22/23 июня в паломничестве старообрядцев на Светлояр. Протоиерей обстановку этой ночи описывал

¹³ Там же, 409.

¹⁴ См. об этом: там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Мережковский, Дмитрий. Протопоп Аввакум // Текст песни староверы Орегон США – Аввакум в изгнании. Эл. версия: <http://tekstanet.ru/17/starovery-Oregon-SShA/tekst-pesni-Avvakum-v-izgnanii>. 15.05.2016.

¹⁸ Тернавцев, Валентин. Доклад: Русская Церковь перед великою задачей // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). Общ. ред. Сергея Половинкина. Москва: Республика, 2005, с. 6.

¹⁹ Выделено мной – У. Ц.

²⁰ Мережковский, Дмитрий. Было и будет. Дневник 1910–1914. Невоенный дневник 1914–1916 / Сост., предисл. Екатерины Домогацкой и др. Москва: Аграф, 2001, с. 23–280, с. 149.

²¹ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка, с. 114.

Мережковским с нескрываемым восторгом: «Народу собирается тысячи <...>. На заре, по старинному преданию, и видят „достойные” таинственный город отраженным в озере, и слышен бывает по воде тихий звон колоколов. <...> Сколько сотен лет собираются к нему верующие в светлую, летнюю ночь! Тихо притекают, сами вряд ли понимая, зачем. *Так повелось*»²² (выделено мною – У. Ц.). По словам Зинаиды Гиппиус, Мережковский, планируя участвовать в старообрядческом мероприятии, надеялся прежде всего узнать, как «люди говорят о вере и как молятся»²³. Удивительно, но Дмитрию Сергеевичу не мешало то, что на ежегодное собрание «раскольников» в окрестности Светлояра устремлялись и толпы православных миссионеров, в надежде своими проповедями уговорить часть заблудшей старообрядческой паствы вернуться в лоно официальной церкви. А еще более интересно то, что один из этих миссионеров – отец Никодим Лютиков, таскавший с собой сундуки умных книг для поддержания беседы с «отщепенцами», стал попутчиком Гиппиус и Мережковского²⁴.

По дороге к Светлояру Мережковский и Гиппиус посещают православные единоверческие монастыри, встречаются со старообрядческими монашками и белицами, не спеша разговаривают за чаем, спокойно усваивая увиденное и услышанное. Среди тех, кто входит в интеллектуальное общение с Мережковским, есть «намоляки», которые на самом деле оказываются группой нормально молящихся людей, есть «ползуны», которые на коленях пытаются проникать каждый год в Китеж-град, есть староверы разных ответвлений и толков, прибывшие в поисках «града незримого» и одновременно с намерением побеседовать на религиозные темы. Все они очень охотно открывают перед Мережковским свои души и приводят к нему на беседы других собратьев, живущих в религиозных сомнениях. Вот как об этом вспоминает Гиппиус: «Беседа продолжалась, заговорили о конце мира, о втором пришествии. Радуются, понимают с полуслова наш неумелый, метафизический, книжный язык, помогают нам, переводят на свой, простой. Обо всем, о чем мы думали, читали, печалились, – думали и они у себя, в лесу, и, может быть, глубже и серьезнее, чем мы. Но им легче, их много, они вместе, – а мы, немногие, живем среди толпы, которая встречает всякую мысль о Боге грязной усмешкой, подозрением в ненормальности или... даже нечестности. И мы стыдимся нашей мысли даже здесь – но, видя, что они не боятся, не стыдятся – становимся смелее – и радуемся»²⁵.

По словам Василия Розанова, среди этих людей Мережковский, «столько лет невыслушиваемый в Петербурге, непонимаемый, <...> встретил в Керженских лесах слушание с затаенным дыханием, возражения и вопросы, которые повторяли только его собственные». Несмотря на то, что «народ упивался „болярином”, который его слушал и разумел и даже вел дальше, говоря о каком-то „крылатом Иоанне Крестителе” (в некоторых древних русских церквях, напр., в Ярославле, есть изображения Иоанна Крестителя – с огромными крыльями), а „болярин” в свою очередь наконец-то, наконец нашел аудиторию, слушателей, друзей и паству!»²⁶.

Таким образом, оказавшись в местах, где собираются искатели «града незримого», Мережковский обнаруживает, что старообрядцы очень открыты, готовы к диалогу о вере и положительно относятся ко всем тем, в ком видят людей, «ищущих» истинной веры. В религиозных беседах со старообрядцами Мережковский получает бесценные сведения о старообрядческих эсхатологических представлениях, об их учении об Антихристе, опасениях в связи с ожидающим их скоро Страшным судом, слушает духовные стихи об Иосифе Прекрасном, о Матушке-Пустыне, о последних временах, о рождении Антихриста. Полученные известия он творчески использует в романе «Петр и Алексей» (последней части трилогии «Христос и Антихрист»), где портреты старообрядцев начерчены четко и в основном положительно.

Носителем правды о небе и земле в этом романе Мережковского является народ. Церковные лица, представляющие официальную Церковь, – Феофан Прокопович и царский

²² Гиппиус, Зинаида. Светлое озеро. Дневник // Зинаида Гиппиус (электронный ресурс): Произведения: Рассказы, повести: <http://gippius.com/lib/short-story/svetloe-ozero.html>. 30.05.2016. (Первая публ. в: Новый Путь, 1904, № 1, 2).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Розанов, Василий. Среди иноязычных (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra, с. 82-103; с. 84.

духовник Феодосий Яновский, пренебрежительно именуемый Федоской, – представлены Мережковским в духе старобрядческих представлений о «никонианах». Это не защитники Церкви, а ее разрушители, деятельность их предвещает вселенскую катастрофу, приближающееся царство Антихриста. В свою очередь представление о конце света и Антихристе почерпнуто из старобрядческих легенд и предсказаний. «Приближается конец века, пришли времена лютые, пришли года тяжкие: не стало веры истинной, не стало стены каменной, не стало столпов крепких – погибла вера христианская. А в последнее время будет антихристово пришествие: загорится вся земля и выгорит в глубину на шестьдесят локтей за наше великое беззаконие»²⁷, – цитирует Мережковский старообрядческие духовные стихи. Антихрист – это царь Петр, которого старообрядцы одновременно боятся и ненавидят. Он, в их представлении, не царь, а мучитель, клеймящий людей антихристовой печатью. А в России: «Стали его волю творити: власы, бороды стали брители, латынскую одежду носить»²⁸. Оказывается, спасение может прийти через очищающий огонь – красную смерть. Описывая самосожжения, Мережковский уходит от исторических реалий, не учитывает того, что при Петре Первом в старообрядческой среде самоубийства не были уже столь страшным массовым явлением, как в конце XVII в. Слово сочетание «красная смерть» – это скорее художественное определение Мережковского, отсылающее к готическому рассказу Эдгара Аллена По «Маска Красной Смерти» («Masque of the Red Death»), чем к бытующим в среде старообрядцев метафорам самосожжений²⁹. Среди старообрядцев говорилось о них просто «гари», «самосожжения», «новоизобретенный путь самоубийственных смертей». Эта игра писателя-символиста со словом ни в какой степени не отменяет того факта, что эсхатологические представления и понятия старообрядцев, обстановку страха и даже чрезвычайного помешательства в ожидании смерти Мережковский сумел воспроизвести с необыкновенным мастерством.

О беседах Мережковского со старообрядцами еще многие годы ходили слухи в народе. В «Автобиографической заметке» впоследствии он скромно отметил: «потом узнал, что некоторые из них сохранили обо мне добрую память»³⁰. Вслед за Дмитрием Сергеевичем к старообрядцам поехал Михаил Пришвин, который, согласно записям Мережковского в дневнике, так объяснял свое решение: «Причина моего путешествия в страну раскольников и сектантов – слышанные мною диспуты на религиозно-философских собраниях в Петербурге. Есть вечные вопросы, которые не очень зависят от образования и внешних различий между людьми. Что останется от всего слышанного мной, если я проверю его в беседе с мудрыми лесными старцами?»³¹. Последний вопрос Мережковский, вероятно, задавал и самому себе, хотя непосредственно на него не ответил. От имени обоих супругов это сделала Зинаида Гиппиус, которая после возвращения домой из путешествия на озеро Светлояр записала: «В Петербурге. Такой же пыльный, серый, холодноватый и бледный день, в какой мы уезжали. Ничто не изменилось, – и это нам кажется странным, – потому что изменились мы. Мы знаем теперь, что есть где-то живые люди, для которых нужно, важно то, что нам важно, и, главное, важно – так, как нам. В душе теперь больше бодрости, есть надежда. Пусть петербургский день пылен и лица прохожих унылы. Не все и здесь пыльные и усталые. Хочу верить...»³². Гиппиус признает, что контакты со старообрядцами позволили им понять, «что важно и что не важно, что нужно и не нужно... О том – что Главное...»³³. После возвращения от старообрядцев

²⁷ Мережковский, Дмитрий. Антихрист. Петр и Алексей // Он же. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. / Сост. и общ. ред. Олега Михайлова. Москва: Правда, 1990, с. 369.

²⁸ Цитата из духовного стиха, известного под заглавием «Стих о[б] антихристе»: «Ох ты матушка, пустыня! <...> Пришло времячко гонимо: / Народился злой Антихрист, / Во всю землю он воселился <...> Стали его волю творити <...>». См.: Русские народные стихи, собранные Петром Киреевским // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Год III (1848), № 9, раздел 4, с. 145-226; с. 219-220. (Фототипное воспроизведение доступно на: <http://www.runivers.ru/bookreader/book461476/#page/587/mode/1up>. 31.7.2016).

²⁹ О другой трактовке «красной смерти» у старообрядцев см.: Кожевникова, Наталья. Избранные работы по языку художественной литературы. Москва: Знак, 2009, с. 435-436.

³⁰ Мережковский, Дмитрий. Автобиографическая заметка, с. 115.

³¹ Мережковский, Дмитрий. Было и будет. Дневник 1910-1914, с. 152-153.

³² Гиппиус, Зинаида. Светлое озеро. Дневник, там же.

³³ Там же.

Мережковские осознали, насколько важной стала для них Божья вера, которая не меркнет в нарастающей полнотной тьме и петербургской пыли.

Urszula Cierniak, **“I can see – faith in God is vanishing, midnight/northern fog is growing...”**:
Merezhkovsky and Old Believers

Dmitry Sergeyevich Merezhkovsky was strongly interested in Old Believers. Together with Zinaida Gippius, Merezhkovsky travelled to Old Believers in search for the “invisible town” of Kitezh on Lake Svetloyar and to the Kerzhenets river. Asking himself questions about the essence of Christianity, paganism and apostasy, meditating about Christ and Antichrist, Merezhkovsky was trying to penetrate the religious consciousness of those for whom “faith in God vanished” in Russia. This paper explores the place of Old Believers and their views in Merezhkovsky’s works.

Key words: D. Merezhkovsky, Old Believers, Z. Gippius, *Avvakum* (narrative poem), *Peter and Alexis* (novel), pilgrimage to the lake Svetloyar, “Red Death”